

01C 6240

Bo. Ma

3

1971

Волга

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
И САРАТОВСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

ГОД ИЗДАНИЯ ШЕСТОЙ

с о д е р ж а н и е

83.003

МАРТ

В

1971

ПРИВОЛЖСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

А. И. Шibaев. ДУША И КРЫЛЬЯ. Статья вторая	3
Никол Эркай. НЕБЕСА ОПЯТЬ ЗАРДЕЛИ. ДОЖДЬ. Стихи. Перевод с мордовского	17
Виктор Ошейко. БЫЛЬ О РАБОЧЕМ	19
Ольга Фокина. ПЕРВЫЙ СНЕГ. БРУСНИКА, БРУСНИКА!.. АХ, РЫБАКИ, ПРОСПАЛИ ЗОРЮ!.. ПОЙМАЛА ЖУРАВЛЯ ЗА СЕРОЕ КРЫЛО... Стихи	65
Борис Сиротин. ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ	69
Григорий Боровиков. РАННЯЯ ЗИМА. Рассказ	72
Владимир Жуков. В ШАРФИКЕ, ЛЕТАЮЩЕМ В ДВА КРЫЛА. КУКУШКА. ПОРА. СЛУЧАЙ. Стихи	85
Александр Вольф. КРУШЕНИЕ КЁРНВЕРКА. Героическая хроника. Окончание	88

Ивановская
областная
БИБЛИОТЕКА
Общ. экз.
(№ 10)

«Мы пили жизнь до дна...»

Выход в свет этой книжки¹ можно приветствовать не только потому, что первый (не считая ряда публикаций в периодике и антологиях) сборник стихов Н. Майорова «Мы», изданный несколько лет назад, уже стал библиографической редкостью.

Имя Николая Майорова ныне прочно обрело «запоздавшую славу», которую он сам предвидел когда-то. Недаром чаще всего именно его строками принято у нас характеризовать людей поколения двадцатых годов, к которому принадлежал этот замечательный поэт:

Мы были высоки, русоволосы,
Вы в книгах прочтаете, как миф,
О людях, что ушли, не долюбив,
Не докурив последней папирасы.
Когда б не бой, не вечные исканья
Крутых путей к последней высоте,
Мы б сохранились в бронзовых ваяньях,
В столбцах газет, в набросках на холсте.
.....

И как бы ни давили память годы,
Нас не забудут потому вовек,
Что, всей планете делая погоду,
Мы в плоть одели слово «Человек»!

К стихам Майорова неоднократно обращались, говоря о ранней духовной зрелости этого поколения, об осознанном и четком выборе гражданской позиции и творческого идеала:

Моя земля — одна моя планета.
Она живет среди ночей и звезд.
Мне говорят, что путь бойца-поэта
В ее ночах не очень будет прост.
Но я иду.

Наконец воздано должное и щемящим строкам, в которых юноша, едва перешагнувший за двадцать, без ложного пафоса и рисовки провидел свою судьбу:

Я не знаю, у какой заставы
Вдруг умолкну в завтрашнем бою...

Все это бесспорно. И приведенные выше, и многие другие отдельные строфы, и целые стихотворения Н. Майорова по праву стали хрестоматийными. Но в этом видится и другая крайность — опасность наведения на облик поэта «хрестоматийного глянца», который столь ненавидел Маяковский. Да и сам Майоров недвусмысленно (хотя и с оговоркой: «... пусть неточны слова, и слог тяжел, и выраженья грубы») заявлял в своем программном стихотворении «Мы»:

Пройдут века, и вам солгут портреты,
Где нашей жизни ход изображен.

¹ Н. Майоров. Мы были высоки, русоволосы. Верхне-Волжское книжное издательство. Ярославль, 1969.

И вот сегодня, перебирая в памяти сказанное и написанное о Николае Майорове как поэте-гражданине, патриоте, солдате, отчетливо понимая, что это — главная его сущность, все-таки задумываешься: а не обедняем ли мы его образ?

Основания для этого есть — и довольно весомые. Ведь даже у такого опытного ценителя поэзии, как П. Антокольский, в семинаре которого занимался Майоров, однажды промелькнула мысль о том, что «его поэтический мир с самого начала был резко очерчен и в самоотречении он чувствовал свою силу».

К великому сожалению, прямых высказываний Н. Майорова на этот счет не сохранилось. Но зато в иных воспоминаниях и критических статьях стремление «очертить» мир молодого поэта до границ какой-то фатальной жертвенности подчас слишком уж очевидно. И это говорится о человеке, стоявшем на самом пороге жизни, полном сил и энергии, замыслов и планов! О поэте, у которого одним из любимых слов было «жажда» — «жажда творчества», «жажда высоты», который мечтал «ходить землей, горячею от ливня, и славить жизнь...»

В том, что поэтический мир Николая Майорова был значительно ярче, шире и многограннее, чем мы порой его осмысливаем (или хотим осмыслить), и убеждает книга «Мы были высоки, русоволосы», наиболее полно представляющая сегодня его творческое наследие. И потому ее значение, думается, выходит далеко за рамки «Библиотечки писателей Верхней Волги».

Перед нами — мир, «простой, как лист тетрадный, где я прошел, большой, нескладный и удивительно прямой», как характеризует его, а заодно и себя автор. Но простой — не значит однотонный и примитивный. Это простота, равнозначная искренности, высокая простота. Потому на страницах книги уживаются и яркий образ, и меткая деталь, и описание природы, и портрет человека, и радостное утверждение жизни, и элегическое раздумье о смерти. А единым, скрепляющим все это стержнем становится лиризм, ибо Николай Майоров, пользуясь крылатой асевской строкой, даже в подходе к явно публицистическим темам остается лириком «по самому складу души, по самой строчечной сути». О том же говорит и его собственное признание:

Я лирикой пропах, как табаком,
и знаю — до последнего дыханья
просить ее я буду под окном,
как нищий просит подаянья...

Это свойство раньше всего проявилось, пожалуй, в пейзажных стихах Майорова, среди которых хочется выделить «Август» (1939), где поэт особенно отчетливо демонстрирует своеобычное понимание лирики,

в первой же строке заявляя: «Я полюбил весомые слова...» Именно с такой весомостью и вещностью, физически ощутимо переданы здесь картины знойного полдня и состояние человека, которому среди этого оцепенения «вселенная кажется мала». И на наших глазах происходит слияние пейзажа и человеческой мысли — глубокой, беспокойной, философичной:

Полдневный зной под яблонями тает
На сизых листьях теплой лебеды.
И слышу я, как мир произрастает
Из первозданной матери — воды.

Звукам и краскам его пейзажей чужда академическая бесстрастность. В любом из них ведущий, пользуясь терминологией искусствоведов, «мотив» определяется не состоянием природы самим по себе, а прежде всего настроением человека, тем, что он переживает в данный момент. Яркий пример тому — увиденные глазами поэта-солдата «выжженные дали в неумолчном грохоте войны», где «как будто намертво застыла в черно-синей заводи вода» и «кисти окровавленной рябины тяжело свисали на плечо...»

Столь высокая степень «очеловеченности» пейзажа, очевидно, и обусловила завидно быстрый для молодых авторов переход Н. Майорова от пейзажа к портрету, обретающему особую глубину благодаря вдумчивому историзму. Изучение истории было для него не просто увлечением, а твердо определенным жизненным призванием, и воспринимает Майоров эту науку также по-своему — живо, горячо, пристрастно:

Она пропахла пылью вековую,
ветрами лет. И ныне на меня
глядит бумагой древней гербовою,
случайно уцелевшей от огня.
А было все: и зыбких листьев вздохи
и сабель свист и, шепот конопли...

Эта счастливая способность воспринимать историю в живых образах, входить в нее легко и естественно придает портретам Н. Майорова достоверность, с какой они могли бы быть выполнены очевидцем. Причем характерно, что своих героев он показывает в документально зафиксированные, хронологически точные переломные моменты их жизни. Его внимание привлекают Ленин, выступающий перед народом после возвращения из эмиграции, Пушкин, до утра засиживающийся в Михайловском «над недописанной поэмой», Шевченко — под гнетом солдатчины, Гоголь — сжигающий «листы последнего труда». А рядом — то, что станет историей завтра: штурм неба летчиками Страны Советов («Баллада о Чкалове», «Утрата», «Памятник»); год сороковой, когда «в лондонских рамах стекла не хватало», а в Париже еще закрывали глаза на надвигающуюся войну люди, которые «живут подачками, как будто для одних пройдох вращается земля» («Стихи про стекольщика», «Париж весной 1940 года»).

В ранг исторических становятся и события сугубо личные: рождение лирического героя, арест жандармами его отца, «детство, оборванное донага». И слова «За судьбу, за ветошь бедствий спрощу я много у врага» произносятся уже от имени поколения, точно так же, как:

Мне стал понятен смысл отцовских вех.
Отцы мои! Я следовал за вами
С раскрытым сердцем, с лучшими словами...
(«Отцам», 1938)

Так, не в мгновенном «озарении», не в погоне за актуальностью, а из сознания исторической закономерности возникает чувство сквозной эстафеты поколений, пронизывающее предсмертный набросок 1941 года:

О нашем времени расскажут.
Когда пройдем, на нас укажут
И скажут сыну: — Будь прямой!
Возьми шинель — покроешь плечи,
Когда мороз невмоготу,
А тем — прости: им было нечем
Прикрыть бессмертья наготу.

Майоровские портреты, тяготеющие к жанру баллады, предельно четки по сюжету, точны по лепке деталей (стоит вспомнить, например, как герой «Смерти революционера», получивший приговор, «не дочитав томительной строки, полюбавался краской на конверте»). Эти портреты, а также написанные свободным белым стихом «Эпитафия», «Рассказы, которые могут быть приняты за стихи», «Монолог старого актера», наводят на мысль о том, что Н. Майоров мог бы стать и незаурядным прозаиком. Однако и в прозе он, наверное, остался бы лириком...

В этой же связи нужно заметить, что поэзия для Н. Майорова была, очевидно, органичной формой выражения мысли: временами кажется, он вот тут же, прямо у тебя на глазах начинает по-пушкински «думать стихами». Формальные приемы техники (в отличие, скажем, от его сверстников П. Когана и М. Кульчицкого) его интересуют мало. Чувствуется, что «жажда творчества» для него важнее «умения соиздать», хотя он и ставит эти формулы рядом.

Именно эта жажда, считает он, помогает художнику «идти с собой, с своей эпохой вровень», «весь мир вместить в дыхание одно» и «так передать цвета своей земли, что век спустя все так же мяли глину и лучшего придумать не могли» («Творчество», 1940). Такой высоты можно достичь, идя к творчеству от жизни, от реальных потребностей людей. Безвестный художник каменного века и дорог поэту тем, что «влюбляясь в жизнь... выдумал искусство», запечатлев в камне образ любимой, выразил близкое всем людям. И не случайно эти стихи, названные «Рождение искусства» (1938), завершаются обращением к современнице:

Вот потому ты много больше значишь,
Чем эта ночь в исходе сентября,
Что даже хорошо, когда ты плачешь,
Сквозь слезы о прекрасном говоря.

Говорить о прекрасном значило для Николая Майорова говорить и о любви. Эта тема занимает значительное место в его наследии, что естественно для молодого поэта. Гораздо примечательнее другое. В годы, когда процветала бездумная, улыбочиво-благополучная любовная лирика, никому не известный Майоров писал о сложном чувстве, радостном и тревожном. Писал без полутонов, с юношеским максимализмом, сумев и здесь остаться самим собой — «тяжелым и прямым».

Найти вещей извечные основы.
Вдруг вспомнить жизнь,
В лицо узнать ее.
Прийти к тебе и, не сказав ни слова,
Уйти, забыть и возвратиться снова.
Моя любовь — могущество мое!

С обжигающей откровенностью раскрываются перед нами в его лирических монологах все этапы развития этого чувства. Повесенному томительное, почти детское ожидание встречи с той, с которой «лишь понаслышке, по первой памяти знаком». Поиски ее и раздумья «между кочевьем и вокзалом», в тишине «прокуренной до ногтей» комнаты. Юношеская задорная уверенность («Где б ни была — в толпе или в вагоне, — я все равно найду, уткнувшись лицом в твои, как небо, светлые ладони...») и холодок тревоги («Доколе буду плыть я за тобой?.. Иль, может, вовсе не было тебя?»).

Но вот она найдена — и возникает новая гамма переживаний: ожидание «последнего удара» ее ресниц — вызова, брошенного ему; ревность, испытывая которую, герой «лишь взгляд отвел в восторге», ибо отчетливо понимает, что «расстояние... между прикосновением и взглядом не каждому дано преодолеть». И когда обнаруживает в любимой равнодушие, духовную слепоту — это еще не конец, а скорее начало драмы, потому что горькое открытие сменится признанием:

И все ж любить тебя,
как любят
глухие приступы тоски,—
как потерявший чувство красок
любил безумный, страшный Врубель
свои нелепые мазки.

За этим будет еще многое: и «когда я в сотый раз тебе покажусь», и предчувствие часа, «когда глаза твои солгут, а губы чужое имя вслух произнесут», и просьба: «Уйди. Но так, чтобы... я дальше жил и поднимался выше, как будто вовсе не было тебя».

Подниматься выше означает для поэта расти духовно, творчески. Ради этой главной цели он — очевидно, в ответ на ее решение «сдаться на милость» — находит силы сказать просто и твердо:

А я устал. За мною столько лестниц.
Я перешел ту верную межу,
Когда все мысли сходятся на песне,
Какой, должно быть, вовсе не сложу.

Таким — многогранным и цельным, открытым и прямым — прожил он свои двадцать три. Таким, в самом главном, видел он все поколение, к которому принадлежал и от лица которого имел право обратиться к идущим вслед:

Пусть помнят те, которых мы не знаем:
нам страх и подлость были не к лицу.
Мы пили жизнь до дна и умирали
за эту жизнь, не кланяясь свинцу.

(1941)

Сборник «Мы были высоки, русоволосы» и раскрывает перед сегодняшним читателем, особенно молодым, всю полноту облика поэта, снимает с него ненужный налет «самоограничения» и «жертвенности». Немало труда потребовало составление такой книги от друзей Николая Майорова — его земляка, ивановского поэта В. Жукова и его первого редактора, журналиста-москвича В. Болховитинова. Труд их увенчался несомненным успехом. Спасибо им за это!

В. БОЙКО

Новое о Неверове

Усилившийся в последнее время исследовательский интерес к творчеству Александра Неверова, талантливого русского писателя, одного из зачинателей советской литературы, не случаен.

Творческая судьба А. Неверова тесно связана с путями русской демократической литературы на историческом переломе. В произведениях писателя нашла отражение жизнь русского крестьянства в период

между двумя революциями, эпохи гражданской войны и начала строительства социалистического общества.

Книга Н. Страхова¹ обобщает уже накопленный советскими исследователями

¹ Н. Страхов. Александр Неверов. Жизнь и творчество. Куйбышевское книжное издательство, 1970.

